

Порождения

С высоты птичьего полета Город казался холстом, расчерченным умелой рукой художника-копииста в строгую сеточку. Ряды кварталов-лиц, обрамленные рамками дорог, расплзлись на многие километры. Испещренные шрамами рек и каналов, щеточками пижонских усов – аллей, густых бород - парков, лишайных пятен – площадей, лица словно сливались в один истинный лик Города. Порочный и алчный, циничный и глупый, обезображенный многими болезнями облик твари. Беспреданно снующие автомобили походили на блестящих жуков-могильщиков, заранее изучающих место будущего пиршества.

Город был безумен. Но, к сожалению, не было на свете врачей, способных лечить города. Хоть и диагноз у них всегда один и тот же, да и похожи характером города друг на друга, как близнецы.

Скопление бетона, стали, неона, людей, запахов и эмоций рано или поздно достигало критической массы, и, как следствие, происходил выброс. Город порождал новое чудовище. Будь то насильник, серийный убийца, садист или маньяк. И хоть чудовища бесчинствовали совсем недолго, имея в арсенале лишь ненависть без обратной ее стороны, Город с интересом следил за своими исчадиями и как любящий отец радовался их успехам.

А с приходом в мир и Город эльфов, выбросы стали происходить все чаще и чаще.

Город все более нуждался в новых жертвах. Горожане, до того жившие как на пороховой бочке, после прихода чужаков, наконец, определились с объектом своей ненависти. Теперь все беды приписывались эльфам и, соответственно, шли от них же. Чужаки, даром что гости, в обиду себя давать не желали. И Город-вампир начал пить не только красную кровь, а и, вероятно, очень вкусный, золотисто-багровый коктейль, замешанный ещё и на необычной крови эльфов.

А произошло всё так. Эльфы жили в параллельном мире. Знать не знали, да и видеть людей не желали. Параллель была не только физической, но и буквально очень близкой, потому как во многом повторяла человеческую, кроме разве что отсутствия магии. Разделение на государства, вражда, гонка вооружений. Маги одного крупного государства создали дракона с целью устрашения соседей. Дракон справился с заданием, но, вкусив живой плоти, перестал повиноваться создателям. Летая над землями, он без разбору насыщался и рос. Меры, предпринимаемые для его уничтожения, ни к чему не привели,

разве что развили в эльфах ненависть. К дракону, колдунам, счастливчикам, оказавшимся ближе к порталам, и просто к сохранившим свои семьи. Дракон становился все больше и неуязвимей. Численность эльфийского народа неуклонно сокращалась. Эльфы упали в ноги к людям. Дайте пристанище! Спасите! Люди дали и спасли. И только компактная величина раскрытых порталов по всему миру, пропускавших эльфов лишь нагими, не позволила дракону проникнуть на земли людей.

Но эльфов все равно выбралось много. Не тех сказочных лучников и изящных поэтов, а бойцов. Бойцов с большой буквы! Сначала казалось, что пребывание гостей будет кратковременным. Но, дракон, за неимением плоти эльфов, перекинулся на животных и чувствовал себя превосходно. Вот тогда и стало ясно, то, что представлялось временной мерой, теперь стало навсегда. Эльфам оказалось некуда возвращаться – впереди у дракона была если не вечность, то ее половина. А жить им хотелось.

Мир содрогнулся от новой – а Города лишь усугубили ее своей теснотой, - кровавой резни, знаменующей неизбежный передел собственности и воцарение новых авторитетов. Ежедневно и уже привычно Город сотрясали перестрелки, поножовщина и прочие атрибуты совместного проживания жизнелюбивых людей и эльфов.

А тут ещё серийный убийца. Убивал он и людей, и эльфов. Был неузнаваем и неуловим. Свидетелей не оставлял. Убийства поражали циничностью, фантазией и жестокостью. Горожане, казалось, привыкшие ко всему, на этот раз запаниковали, что было равносильно поражению. Убийца не имел лица. Поэтому Город начал раскрывать рты и закрывать глаза. Бесчисленные гаражи раскрывались и выталкивали из себя автомобили, заполненные перепуганными горожанами, а на множество окон начали напозать серые бельма толстых роллет. Сталебетонный лабиринт исторгал из себя лишних, мешавших Городу досмотреть необычную и жестокую драму. Неизбежные мародёры тоже приятно щекотали нервы Города.

Газетчики сворой голодных собак в поисках вожака принялись живо строить предположения. «Шестьдесят пять жертв! Ровно столько лет эльфы живут среди людей! Вопросы есть?», «Убит священник-пацифист, призывавший к миру между людьми и эльфами!», «Ночью на пляже зверски убиты человек и эльфийка! Человеческая полиция, как всегда, теряется в догадках», «Растерзан глава банды «Мир без эльфов» Гарри Файнс!», «А может убийц двое?». Эльфийские газетчики, даром что гости, не отставали. Естественно, каждая раса гнула свою линию.

Сказать, что полиция сбилась с ног, разыскивая неуловимого убийцу, это ничего не сказать. В Городе, где каждый третий был преступником, каждый второй в своих действиях чаще всего руководствовался лишь одним чувством – ненавистью, а каждый первый слабо отличал полицейских от маньяков. Потому розыски были очень проблематичны и напоминали поиск иголки в стогу сена. После стопятидесятой жертвы были приняты беспрецедентные меры. Человеческая полиция объединила усилия с полицией эльфов. Впервые. Скрипя зубами, но объединила. Убийцей мог быть как человек, так и эльф. Объединённые группы прочёсывали Город, разговаривая с мародёрами и особо непонятливыми горожанами на языке кулаков и горячего свинца. Город, захлёбываясь, глотал боль и кровь, содрогаясь в пароксизмах оргазма. А после двухсотой жертвы уже весь мир внимательно следил за происходящим в Городе.

Эльфы взламывали оружейные магазины, а также, запасались продовольствием, люди же стягивали войска.

И вот наступил час «Х».

Неизвестный убийца, безнаказанный безумец, гениальный извращенец сделал новый шаг. Шаг, поставивший в патовое положение как его, так и полицию. Он проник в здание муниципального совета, где заседали восемь членов Чрезвычайной комиссии по поимке его же – четыре высокорожденных эльфа и столько же не менее высокопоставленных людей. Убийца талантливо и изощрённо оборвал жизни полудюжины охранников. Уничтожил камеры видеонаблюдения и забаррикадировался в зале заседаний. В зале, из которого не было выхода.

Сунув в рот вибрирующую пластину, вышел на связь с полицией и... ничего не потребовал. Он лишь вежливо попросил... полюбоваться!

Абсолютно все полицейские Города облепили здание, как муравьи леденец. Взволнованные толпы людей и эльфов, которым некуда было бежать, заполнили всё свободное пространство вокруг дома, где должен был прозвучать финальный аккорд длинной и страшной драмы.

Перед бронированной дверью зала заседания толпились полицейские, разворачивая необходимое оборудование и просто нервно суетясь. Эльфы и люди.

Лейтенант Уилсон, усевшись в кресло, задумчиво разглядывал коллег-эльфов. Имея свои, родные имена, они предпочли их не разглашать и пользовались другими, избрав для этого мёртвую латынь.

Лучший из сыщиков-эльфов – Носалеос - короткими взмахами руки и репликами превращал беспорядочное скопление подчинённых в нечто упорядоченное и до боли знакомое. Профессионализм - не приобретенные навыки работы, а способ выжить в этом Городе. Носалеос – невысокий, коренастый, коротко стриженный, перехватив взгляд Уилсона, с достоинством кивнул. Как равный равному.

Уилсон уже распределил свою бригаду и смотрел на темный пока монитор, ожидая первых сообщений. Носалеос, освободившись, двинулся к нему.

Город внёс свои изменения в изначальный облик эльфов. Для выживания высота и утонченность были ни к чему. Спортзалы с тренажерами приняли новых клиентов. Острые и вытянутые уши путём быстрой и почти безболезненной - какая ирония! - операции стали менее вызывающими. Длинные волосы пали под ножницами из-за своей непрактичности. И только по дивному разрезу глаз эльфов можно было всегда отличить от людей.

Усевшись в другое кресло, Носалеос устало откинул голову назад.

- Какие новости, коллега?

Конечно, коллега! Уилсон обрисовал ситуацию несколькими словами:

- Все заложники живы. Пока! Похититель не выставил никаких требований, но очень рекомендовал не начинать штурма. Я двоих своих акробатов послал посмотреть в окошки. Жду! С минуты на минуту пойдёт видеопередача.

Носалеос кивнул. Цена вопроса велика. Чем меньше участников и свидетелей, тем лучше.

- Внизу беснуется всё оставшееся население Города, и без улова они просто разорвут нас на части! – проговорил эльф, а потом уж совсем непонятно добавил: - Раньше ленты сплетен и новостей привязывали к колесам проезжающих дилижансов, и это почти всегда было правильно. Иначе, паника и истерия получали бы незаслуженную пищу. А они хоть и слепы, но всегда голодны.

Дилижансы? Уилсон удивленно посмотрел на Носалеоса.

- Сколько тебе лет?

- Люди столько не живут, – просто ответил эльф.

Уилсон хрустнул костяшками пальцев и сменил тему.

- Убийца в безвыходном положении. Он устал? Или...

Эльф быстро ответил:

- Он - большой выдумщик. И придумал просто грандиозный финал! Знаешь, в вашей древности постановщиков дрянных пьес недовольные зрители убивали. Ему тоже не чуждо понятие постановки пьесы. Вероятно, он решил закончить жизнь, воплотив и сыграв задуманную пьесу до конца. И гордо уйти из жизни... прихватив с собой славу!

Уилсон заинтересованно хмыкнул:

- Как ты думаешь, кто он - человек или эльф?

Носалеос повернул голову и посмотрел на него. В глазах эльфа была тоска и почти не было жизни.

- Он не человек! И не эльф! Он - безумная тварь!

Уилсон отвел глаза.

Тут же на мониторе появилось изображение.

Уилсон сжал виски руками. Носалеос резко выдохнул. Сигналы шли из разных камер и изображение в фасетках, поделивших экран монитора, прыгало. Но для анализа даже такой картинки было достаточно.

Все восемь членов Чрезвычайной комиссии действительно были живы. Но уж лучше бы наоборот. Они висели на тонких и прочных шнурах, связанные по рукам и ногам. Шнуры образовали настоящую паутину, которая крепилась к окнам, столам, люстрам, шкафам, колоннам и двери. Паутинки собиралась в один общий канат, уходящий в маленькую комнатку с погашенным светом. Там безумный кукловод держал нить их жизней. Но не это было самым поразительным. Тела висящих заложников были обнажены и покрыты множеством кровоточащих разрезов. Острые тончайшие крючья впивались в их внутренние органы. В отлично функционирующие органы. Шнуры же служили для натяжки крючьев в теле.

Уилсон и Носалеос посмотрели друг на друга и, синхронно подвинув кресла, вновь впились глазами в экран. Картина просто изумляла талантливостью и жестокостью. Полицейские с камерами приноровились, и видеоряд пошёл ровный и чёткий.

Вот пульсирует сердце, сочась золотой кровью, стекающей с крюка распятого эльфа. Багровая печень через новую дырочку послушно толкает кровь. Вывороченные веки. Высунутые языки. Проколотые гениталии. И крюки, крюки, крюки.

Замысел твари поражал гениальностью и изощрённостью. Затронув окна или двери, полицейские своими же действиями убьют заложников, натянув шнуры. Острые крючья просто разорвут их внутренние и внешние органы. Уилсон выключил монитор. Мороз по его коже не пошел, сердце не дрогнуло, лишь слегка заболела голова.

- Хватит! Главное мы увидели. Иначе связно думать не сможем!

Носалеос согласился, испытывая видимое облегчение.

- Я так понимаю, что газ пускать бессмысленно? - Уилсон хотел не от себя услышать отрицательный ответ.

- Заложники пострадают! - откликнулся Носалеос.

- Крыша?

- Четыре шнура на люстрах! От неизбежной вибрации... - эльф не закончил.

Всё и так было ясно.

Прошёл час. Из зала не доносилось ни звука. Наверное, кукловод млел от наслаждения. Человек и эльф, избавившись от большей части бестолково слоняющихся подчинённых, пытались найти способ спасти заложников ценой малой крови. Оцепенение сменялось оживлением, но новые варианты были еще фантастичнее забракованных. Даже на десятом этаже было слышно, как внизу беснуется толпа. Скорее всего, она уже всё знала. И еще этот главный вопрос. Кто это устроил?

Человек?

Эльф?

От одного слова зависела судьба всех оставшихся обитателей Города. Спичка взаимной ненависти ярко пылала, и осталось только поднести её. К кому?!

К человеку?

К эльфу?

Сейчас решалась дальнейшая судьба людей и эльфов. Пощелкав кнопками переносного телевизора, Уилсон и Носалеос увидели то, что и ожидали. Весь мир вышел на улицы. Весь мир разделился. По одну сторону эльфы, по другую люди. Между ними жалкая, какая-то ничтожная прослойка полиции и армии. Итак, вопрос ясен.

Человек?

Эльф?

Одно слово. Одно только слово.

Уилсон выключил телевизор и положил, впервые в жизни положил руку на плечо эльфу. Носалеос вздрогнул, но руку не убрал.

- Мы решим эту проблему! - уверенно сказал человек. - Нам деваться некуда! Но что мы скажем всем? Кто кукловод?!

Носалелос ответил просто и буднично:

- Вариантов нет! Только то, что их двое. Человек и эльф!

Уилсон облегчённо выдохнул. Он думал так же. Стало легче.

- Сейчас мои ребята притащат специальную кислоту, разъедающую не только органику, но и стены! - поделился доселе закрытой для эльфов информацией человек.

- А я займусь магией! - виновато улыбнулся эльф.

Полицейский-маг?

- Только не вздумай породить нового дракона! - не без иронии произнес Уилсон.

- Не вижу разницы! – парировал эльф. - Вы уже породили свои Города!

Следующий вопрос витал в воздухе, но задавать его - значило признать, что дальше бежать некуда.

- Так чего же вы в них так стремитесь? – с издевкой уточнил Уилсон.

- Вне их вы нас перещелкаете еще быстрее, поэтому нам здесь легче держаться вместе.

- Ладно, - признав правоту эльфа, согласился Уилсон. - Помощь нужна?

- Да! Сделаем это вдвоём! - быстро ответил Носалеос, с сомнением посмотрев на него.

Тот оценил игру слов и скрытую в них горькую иронию. Человек и эльф спасут всех от человека и эльфа!

- А как же! - через силу улыбнулся человек.

В комнату одновременно притащили аэрозоли вкупе с грудой непонятных вещей и предметов для эльфа. Уилсон нахмурил лоб. С аэрозолями всё понятно. Но что здесь делает таз, горелка, мешок с песком и кипа мешочков с травами?

Носалеос любезно пояснил:

- Для настроения.

Уилсон лишь недоверчиво хмыкнул.

- Всем выйти! - скомандовал Носалеос.

Его безропотно послушались как эльфы, так и люди.

«Сработаемся, - удовлетворённо подумал Уилсон. - Если выживем...»

Носалеос вытащил таз на середину комнаты и принялся рыться в пакетах. Уилсон отключил все средства связи и для верности повывёргивал кабели.

Эльф начал колдовать. Налив в таз воды, он поставил его на огонь газовой горелки и рассыпал вокруг себя песок. Вода быстро вскипела. В таз полетело содержимое мешочков. Варёво стало неопишимо цвета и густо запахло. Носалеос, усевшись на пол, принялся водить пальцем по песку, рисуя непонятные знаки и символы.

- Лейтенант! - позвал он. – Я тоже открою секрет, как мы ловим преступников.

Уилсон подошел вплотную и уселся рядом.

- Как ты думаешь, что произойдет в результате магии? – Носалеос начал издали.

- Даже не представляю, - неуверенно проговорил Уилсон.

- Что ты обычно испытываешь к преступникам? – Носалеос явно настроился испытывать терпение Уилсона.

- Я их ненавижу! – твердо, внимательно глядя в глаза эльфу, ответил Уилсон.

- Не сомневаюсь, - пробормотал, опуская глаза Носалеос. – Весь мир испытывает ненависть, причем, не понимая, что больше к себе, чем к нам.

Теперь Уилсон выдержал взгляд Носалеоса. Аргументов против он не нашел.

- Я - один из тех, кто помнит о старом добром мире, и поэтому пытаюсь раскрыть глаза и своим и чужим. Моя магия - это любовь! Забытая всеми и превращенная в секс, сожранная Городом, поимевшем нас.

Уилсон с трудом совладал с соблазном повертеть пальцем у виска.

- И что общего между нашим маньяком, ненавистью и любовью?

Последнее, не обиходное слово Уилсон сказал невнятно.

- Одного, живущего другим, мы и обезвредим третьим, - вновь непонятно высказался Носалеос.

Уилсон раздраженно поинтересовался:

- Ты можешь выражаться яснее?

Носалеос посмотрел на варево, вздохнул и кивнул головой.

- Боюсь, что объяснять нужно будет долго. В итоге ты мне не поверишь. И все пойдет насмарку. Идиотская ситуация.

- Опusti лирику и объясняй по делу, - лаконично предложил Уилсон. – У нас мало времени, да и я не впечатлительный.

- Это-то и плохо, - заводясь, быстро проговорил эльф.

- Хватит играть в загадки-разгадки, - вскипел Уилсон.

- Да не получится у нас ничего. Магия такая, понимаешь! Разве ты способен вызвать в памяти что-то светлое, хорошее, доброе, не говоря уж о любви? Я иногда весь отдел собираю, чтобы какого-нибудь маньяка выкурить! А тут! Мне вести обряд... И ты закостенелый...

Уилсон вскинулся, зло смерил взглядом эльфа, сжал кулаки и, вновь подойдя к экрану компьютера, задумчиво застыл.

Носалеос тихо пробормотал:

- Придется самому. Ох...

Уилсон удивленно принялся. Густой травяной аромат начал словно распадаться на фрагменты. Он ощутил запах шалфея, чабреца, мяты. Так пахло в его доме, за городом, когда он был маленьким. До того, как сбежавшие из тюрьмы заключенные ворвались в дом и перевернули его жизнь... Календула, ромашка, мелисса. Детский дом. Ласковые руки пожилой медсестры, смазывающей ссадину на коленке. Постоянно сбитые костяшки пальцев и два пути. Все, в основном, выбирали первый, он – нет. Почему? Он и сам не знал. Розмарин, фиалка, сандал. Так пахла его невеста, Нора, первая и последняя любовь. Длинные белые волосы, прекрасная фигура и зеленые лучистые глаза, способные остановить время. Бессмысленная перестрелка на улице и - Норы не стало... А для Уилсона остановилось время. Он «схлопнулся» и решил, что для правильного мироощущения его табельному оружию жизненно необходимы разрывные патроны.

Впервые за двадцать лет вспоминая и переживая щемящую утрату любви, Уилсон не видел, как из его глаз, ноздрей, рта и ушей начала выделяться туманная субстанция.

Носалеос закрыв глаза, раскачиваясь, нараспев произносил чужие тягучие со странной модуляцией и множеством гласных, слова.

Тело Уилсона начало приятно покалывать, сердце сладко защемило, на глаза навернулись слезы, и он сорвался в вихрь былого.

Субстанция, выделяемая Уилсоном, потекла в сторону закрытой двери и просочилась сквозь замочную скважину.

За дверью раздался приглушённый хрип. Носалеос заговорил еще быстрее, но уже резко и гортанно.

Уилсона корежило и шатало от ранее сдерживаемых чувств. Запах трав невыносимо жег ноздри и выталкивал из мозга новые порции заново переживаемых воспоминаний.

- Распыляй кислоту! – наконец прохрипел Носалеос.

Резко дернувшись, Уилсон с трудом пришел в себя и схватился за спасительный для рассудка холодный бок аэрозольного баллончика. Послал долгую струю вбок от двери - пш-ш, пш-ш! - и на глазах часть стены превратилась в пыль.

- Глянь, от окон все убрались? - просипел эльф.

Уилсон сунул голову в широкий лаз.

- Никого!

- Уже легче! Отцепляй крючья!

Хорошо, что все висящие в паутине без сознания. Слишком сильный натяг, не повредить бы. Ага, вот. Крючья можно просто отцепить от шнуров. Фух! А дальше уж хирурги сами разберутся.

Шнуры безжизненно провисали. Тела, одно за другим, из висячего положения перешли в лежачее.

«Языки повывёртываю и врачам, и заложникам, - просто подумал Уилсон, - если вздумают трепаться». А еще ему в голову пришла мысль, что Носалеос таки его сделал.

Эльф, подхватив два баллончика с аэрозолью, подошёл к нему.

- Заходим в комнату и, не зажигая свет и закрыв глаза, распыляем эту тварь!

- Ты уверен, что он не окажет сопротивления? - уточнил Уилсон.

- Маньяк, кроме ненависти, не знает никаких сильных чувств. Сейчас он впервые получил направленный заряд противоположного чувства. Он сидит, как даун, мычит и пускает слюну, принимая и переживая новое чувство.

- Распылим двух маньяков! – напомнил Уилсон, побывавший в этой роли.

Носалеос кивнул.

Так и поступили.

Впереди было ещё множество проблем. Согласование между собой деталей легенды. Общение со средствами массовой информации. Затыкание ртов свидетелям. Ложь. Ложь. Ложь. Но главного Уилсон и Носалеос достигли. Резни не случилось.

Потом началась ложь другая. Уилсон, как ни старался, а всё же увидел эту тварь. Носалеос - тоже. Но об этом они позже, устав кричать и лезть в драку друг с другом, решили молчать. Журналисты и горожане получили одинаковые ответы.

Их было двое!

Другого выхода не было!

Человек и эльф!

После всех разбирательств Уилсон и Носалеос выступили с предложением создать объединенный отдел полиции для расследования подобных дел. Никто так и не узнал истинной причины создания отдела, которая была проста и необходима: один должен всегда находиться при другом и не позволить тому сорваться.

После этого случая желающих пойти работать в полиции стало значительно больше, а Уилсон так и не смог обратно «схлопнуться». Через полгода, уволившись из полиции, он купил дом за Городом и для правильного мироощущения начал выращивать

лекарственные травы. На выходные к нему приезжает Носалеос, и они ведут длинные беседы о магии, Городах, Драконах и обратной стороне ненависти.

А по всему миру Города начали навсегда покидать большие группы людей и эльфов. Поселяясь в труднодоступных местах, они искали возможность жить по законам взаимоуважения и любви, чтобы в будущем не дать городам захватить над ними власть.

А что Город? Город пока напился крови. Напился крови и даже похорошел. Но это ненадолго. Жажда и безумие – такой предсказуемый коктейль... И горожан, и жертв на его век хватит.